

ВОЗМОЖНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ СУБЪЕКТНОЙ ПОЗИЦИИ ЛИЧНОСТИ В СВЯЗИ С НАРАСТАЮЩЕЙ ВИРТУАЛИЗАЦИЕЙ ЕЕ БЫТИЯ

З. И. Рябикина, Е. И. Богомолова¹

Проанализированы положительные и отрицательные эффекты изменений личности как субъекта бытия и со-бытия в условиях виртуальной реальности. Рассмотрена направленность активности личности на поддержку собственной идентичности в процессе взаимодействия с Другими в виртуальном пространстве со-бытия, а также типичные способы отношений пользователей с Другими; изучена динамика изменения личности и типы личностей, являющихся пользователями сети Интернет.

Ключевые слова: личность, субъект, бытие, со-бытие, общение, виртуальная реальность, социальная сеть.

Ryabikina Z. I., Bogomolova E. I. The possible changes subject position of the person to the expanding virtualization of its existance

The Internet users were studied — the positive and negative effects of changes of a personality being a subject of existence and co-existence in virtual reality; the activity of a person directed to support its own identity in the process of interaction with the Other one in the virtual space of co-existence as well as the typical ways of relating with the Others; the dynamics of changes of a personality and types personality of the Internet users.

Key words: person, entity, existence, co-existence, communication, virtual reality, social network.

Проблема субъекта в интерпретации личности и ее бытия

Проблема субъекта — одна из краеугольных в гуманитарных науках. Рассуждения об «исчезающем субъекте» только усиливают фундаментальность научных дискуссий о человеке с точки зрения его субъектности, поскольку сама острота прений по вопросу «субъект — не субъект» демонстрирует важность этой проблемы.

В концепции С. А. Рубинштейна человек как субъект введен внутрь, «в состав бытия» и соответственно утверждается, что «с появлением человеческого

¹ Рябикина Зинаида Ивановна — доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии личности и общей психологии Кубанского государственного университета. Эл. почта: ryabikina@manag.kubsu.ru

Богомолова Екатерина Ильинична — аспирант кафедры психологии личности и общей психологии Кубанского государственного университета. Эл. почта: bogomolova_kate@bk.ru

бытия коренным образом преобразуется весь онтологический план». Бытие обретает свое новое качество только «с учетом бытия человека» [13, с. 6-7]. Следуя утверждению А.В. Брушлинского, человек, находясь «на **высшем** ... уровне деятельности, общения, целостности, автономности и т.д.», представит субъектом бытия [4, с. 21]. В этом качестве личность выступает той силой, которая воплощает в объективной реальности содержание своего внутреннего, субъективного мира, продолжает себя в мир, перестраивая его в соответствии со своими смыслами. Таким образом, в работах А.В. Брушлинского представлена идеология преодоления бессубъектности в рассмотрении бытия. Продолжение себя в мир, переструктурирование личностью пространств своего бытия в соответствии с личностными смыслами и достижение таким образом аутентичного бытия — все эти темы отражают гуманистическую идеологию в психологической интерпретации человека.

Виртуальная реальность — новая реальность бытия современного человека

Сегодня мы говорим о новой реальности, в которой строит свое бытие современный человек. Речь идет о «гиперреальности» (Ж. Бодрийяр), о «киберпространстве» (У. Гибсон), о пространстве симулякров (Ж. Делез, Ж. Бодрийяр), о «виртуализации» общества (Ю.П. Зинченко) и т.д. Новой культуре свойственны технологически новые способы бытия в мире. «Посредством технологий виртуальной реальности человек получает возможность по-новому ощутить бытие», — пишет Ю.П. Зинченко и задается вопросом: «Каким образом такая трансформация может на него повлиять?» [7, с. 246].

В.Е. Лепский и А.Г. Рапуто отмечают, что «с развитием компьютеров и интерактивных сетей Интернет появилось новое измерение человеческого бытия» [11, с. 39]. Пользователи сетей характеризуют свои переживания «как своего рода расширение их интеллекта и индивидуальности, как пространство, которое отражает их вкусы, отношения и пристрастия, которое является расширением психологического внутреннего мира» [11, с. 39].

Как связаны проявления активности личности в online- и offline-пространствах? Есть ли основания опасаться, что online- активность снижает ее субъектную активность в offline? Что происходит и что далее будет происходить с личностью как субъектом бытия? Проблема субъекта в этом ракурсе предстает амбивалентной. В дискуссиях на эту тему, в картинах будущего, о котором мы все грезим, представлены как минусы, так и плюсы.

Возрастание субъектности личности в условиях виртуальной реальности бытия

С одной стороны, выглядит обоснованным утверждение о возрастании субъектности личности. Об этом свидетельствуют: включенность личности

в «цифровую реальность» как энергичного актора, возможность приспособлять технологии интерактивных цифровых сетей к своим нуждам и своей системе ценностей. Конкретный человек, овладев необходимыми для этого знаниями и операциями, создает собственную виртуальную реальность, свой собственный мир, в котором с наибольшей полнотой воплощается картина его внутренней жизни.

Если на предшествовавших исторических этапах бытия человека и человечества внушительная дистанция, которую необходимо было пройти ментальному продукту до его воплощения в реальность, и естественное сопротивление реальности, уже функционирующей по своим законам, обуславливали «затратность» личности, но в результате более органичную итоговую реализацию проекта, то сейчас с меньшими усилиями и в более короткое время доступ к «глобальным воплощениям» своего ментального продукта получили многие. Благодаря технологиям виртуальной реальности ментальная конструкция отдельного человека потенциально более субъектна и отдельный человек — потенциально более активный агент воздействия на структурирование событий. Виртуальная реальность, созданная чьим-то индивидуальным сознанием, может обуславливать бытие многих людей.

Потеря субъектной позиции личности в условиях виртуальной реальности бытия

С другой стороны, в футуристических прогнозах, в художественном изображении будущего преобладают мрачные сцены распада человеческой личности из-за потери субъектной позиции. Именно такого плана художественные проекты («Терминатор», «Матрица», «Нейромант» и т.д.) будоражат сознание зрителей и читателей своей апокалиптичностью. Страх потерять возможность быть субъектом своего бытия угнетает.

М. Маклюэн в своих пророчествах писал о слиянии человека с машиной, о киборге как о существе, наделенном двойственной сущностью, т.е. уже *не* человеку и противопоставленном человеку со свойственной ему интенцией аутентичного *его природе* бытия. Эта интенция определяет вектор субъектности человека и не может быть свойственна *природе* киборга.

Ю.П. Зинченко акцентирует другой аспект «смерти субъекта», связывая его со слиянием субъекта и симулякра. Основываясь на теориях Ж. Делеза и Ж. Бодрийяра, он определяет *симулякр* «как знак, обретающий свое собственное бытие, творящий свою реальность» [7, с. 238]. *Пространство симулякров* предстает той самой *виртуальной реальностью*, которая может быть настолько притягательной для человека, что реальный мир с его проблемами и противоречиями уступает симуляции. При этом «исчезает детерминированность поступков, человек делает не то, что должен, а то, что хочет» [12, с. 51]. Таким образом, растворяется ответственность субъекта за то, причиной чего он яв-

ляется. Человек выстраивает в виртуальном пространстве такие отношения с Миром, «при которых Мир подстраивается под субъекта, становится именно таким, чтобы субъекту в нем было легко и удобно» [10, с. 451]. Но это упоительное торжество субъекта иллюзорно, как сама виртуальная реальность, если достигаемое личностью в online не расширяет возможности его бытия в offline.

Направленность субъектной активности личности на поддержку своей идентичности в со-бытии с Другим

Вопрос о том, что побуждает человека к активности в пространстве виртуальной реальности, как именно выглядят структурные и функциональные особенности системы потребностно-мотивационной регуляции деятельности личности в сети, лег в основу многих исследовательских проектов.

На основании многолетнего исследования (1992-1998 гг.) пользователей Интернета, проведенного О. Н. Арестовой, Л. Н. Бабаниным и А. Е. Войскунским, были классифицированы виды мотивов [1, с. 245-246]. Воспользовавшись этой классификацией, а также полученными нами ранее данными контент-анализа, на основании которого была сформулирована схема удовлетворения потребностей личности в социальных сетях [9], можно определить, какие мотивы движут личностью, вовлеченной в такой вид коммуникации. В контент-анализе учитывались мнения пользователей «ВКонтакте.ru» и «Одноклассники.ru», оставленные на тематическом форуме. Всего было проанализировано 416 ответов пользователей. Среди них 176 мужчин, 208 женщин, пол не определен у 32 ответивших.

Результат систематизации ответов с указанием частоты проявления мотивов у пользователей социальных сетей показывает следующее:

- 1) мотив общения (коммуникативный мотив) — 90,6%;
- 2) мотив аффилиации — 46%;
- 3) мотив самоутверждения (нередко в негативном контексте) — 41,5%;
- 4) познавательный мотив — 39,5%;
- 5) мотив самореализации и развития личности — 27,6%;
- 6) корпоративный мотив — 15%;
- 7) мотив рекреации, игровой мотив — 4%;
- 8) деловой мотив — 0,3%.

Таким образом, три первые позиции в представленном списке занимают (и поэтому могут рассматриваться в качестве основных побудителей активности личности в виртуальном пространстве социальных сетей) *мотивы общения, аффилиации и самоутверждения*. Это свидетельствует о том, что общение в социальных сетях позволяет решить актуальные для личности вопросы коммуникации, причастности к значимым группам и принятия их членами, расширения представлений о мире и становления субъектности личности.

Что обуславливает повышенный интерес личности к общению в виртуальном пространстве бытия?

Опираясь на достижения психологии субъекта (А.В. Брушлинский и др.), психологии человеческого бытия (В.В. Знаков и др.), субъектно-бытийного подхода к личности (З.И. Рябикина и др.), диалогической ориентации в рассмотрении личности, Г.Г. Танасов предложил теоретическую конструкцию *субъектной активности личности, обусловленной ее ориентацией на поддержку своей идентичности в со-бытии с Другим*. Другой человек всегда важен для личности как актер, способный подтвердить ее идентичность и таким образом продолжить ее бытийность в том качестве, в котором личность видит (самопонимает) себя, или «прервать» ее бытийность в этом качестве [16-18].

Можно предположить, что возможность получить необходимое личности *подтверждение своей идентичности* в отношениях с Другим достигается более успешно в условиях виртуального общения. Желаемое личностью продолжение своего бытия в субъективный мир Другого («персонализация» — В.А. Петровский) оказывается легче реализуемым в виртуальном со-бытии интернет-коммуникации.

Динамика изменений личности пользователя Интернета

Остановимся на последовательности событий, характеризующих то, что происходило с возможностями, предлагаемыми Интернетом своим пользователям. Все начиналось с безликого обмена данными, который производился из единственного места хранения на сайты по всему миру. Позже появилась личная электронная почта, которая ярче отражала человека (персону) в сети. Вскоре и эти рамки стали слишком узки — у человека появилась потребность заявлять о себе. Эта потребность привела к созданию личных сайтов, чатов, форумов, блогов. С каждым новым шагом пользователь приближался ко все более полной возможности выразить свое уникальное Я в сети Интернет.

В чатах, программных месенджерах (ICQ), на форумах пользователи применяли в качестве самоидентификации «ники» (вымышленные имена). Появление блогов также началось с весьма ощутимого присутствия страниц, чьи хозяева были анонимны. Параллельно в практику вошла двойная жизнь, когда человек вел два блага: один, где его личность была известна, другой — под маской. Пользователи меняют имена, образы, играют с возрастными и полами, исследуя новые границы своего виртуального Я [3, с. 10-11]. В Интернете люди создают себе некие виртуальные личности, в связи с чем возникает вопрос о том, как соотносится реальное Я с виртуальными прототипами и где границы между самопрезентацией, симуляцией и самоактуализацией в этих играх с идентичностью [6].

Постепенно заигрывание с собственной идентичностью и ведение сразу нескольких жизней в сети становилось все менее распространенным, так как подобное фрагментированное бытие личности с жестким разделением на вымыш-

ленное и реальное (т.е. в online и в offline) для деятельной натуры, активного субъекта своего реального бытия не конструктивно. Активный субъект бытия использует online как инструмент и дополнительный ресурс для решения своих проблем в offline-бытии. Это привело к появлению на виртуальной сцене социальных сетей, идея изначально заключалась в предъявлении реальной личности во всемирной паутине, которая была бы узнаваема для окружения offline и с которой могут познакомиться незнакомые люди. Данная идея была активно поддержана «жителями» мировой сети. Несомненно, остаются те, кто не желает афишировать в сети свои личные данные, но по сравнению с ситуацией десятилетней давности их количество составляет значительное меньшинство.

Тем не менее одним из наиболее привлекательных аспектов бытия личности в виртуальной реальности остается возможность создания личностью желательного впечатления о себе, дозированного самораскрытия и конструирования образа по своему выбору (А. Г. Асмолов, Г. А. Асмолов, Ю. М. Кузнецова и др.), способность манипулировать создаваемой идентичностью [21].

Развитие технических возможностей виртуального (компьютерного) пространства связано с удовлетворением запросов пользователей. По мнению Джона Барлоу, эти интересы прежде всего ориентируют на максимальное приближение процесса общения в социальных сетях к естественному (в реальном пространстве бытия личности): видеть лицо собеседника, отображать партнера в трех измерениях и пр. [20]. Но это только внешняя (техническая) сторона динамики. Она усиливает иллюзию достоверности в том, каким предстает партнер по общению в виртуальной реальности, но не гарантирует эту достоверность, так как партнер может реализовать свою субъектность в коммуникации с нами именно в том мастерстве и усердии, с которыми он создает свой имидж. А его ложная самоидентификация поддерживается в виртуальном общении, поскольку он режиссирует свои контакты, оставаясь главным субъектом в виртуальном отношении с партнером, доступными ему манипуляциями снижает субъектность партнера, уклоняясь от самой возможности понимания его партнером. Называя себя в сетевом общении своим именем, человек не теряет возможности манипулировать в области самоидентификации, прибегая при этом к различным стратегиям и тактикам самопредъявления.

Соотношение субъектности своего и ожидаемого от партнера поведения у пользователей виртуальных социальных сетей

С целью выявления особенностей направлений межличностного поведения пользователей социальных сетей и характера их межличностной ориентации было предпринято исследование, в котором использовалась авторская анкета «Отношение юношей и девушек к общению с помощью виртуальных социальных сетей» (Е. И. Косивченко), а также методика FIRO-B, разработан-

ная У. Шутцем (в адаптации А. А. Рукавишникова «Опросник межличностных отношений») [5].

Данный опросник предназначен для оценки поведения человека в трех основных областях межличностных потребностей:

1) включения (I) — потребность в создании и поддержании удовлетворительных взаимоотношений с другими людьми;

2) контроля (C) — потребность в контролировании характера и особенностей отношений с другими;

3) аффекта (A) — потребность создавать и поддерживать удовлетворительные отношения с другими людьми, опираясь на любовь и близкие эмоциональные контакты.

Внутри каждой области принимают во внимание два направления межличностного поведения:

— *выраженное поведение индивида (e)* — мнение индивида об интенсивности собственного поведения в данной области;

— *поведение, требуемое и ожидание индивидом от окружающих (w)*, с той интенсивностью, которая является оптимальной для него.

Таким образом, ответы оцениваются по шести шкалам:

Ie — выраженное поведение индивида в области включения;

Iw — требуемое поведение в области включения;

Ce — выраженное поведение индивида в области контроля;

Cw — ожидаемое от других поведение в области контроля;

Ae — выраженное поведение личности в области аффекта;

Aw — требуемое поведение в области аффекта.

На основе этих шкал составляется характеристика особенностей межличностного поведения испытуемых.

В исследовании приняли участие 70 чел. в возрасте от 19 до 25 лет, из них 25 юношей и 45 девушек. Для обработки результатов выборка была разделена на две группы в соответствии с полом испытуемых: *мужчины в возрасте 19-25 лет* (средний возраст группы — 20,3 года); *женщины в возрасте 19-24 лет* (средний возраст группы — 19,3 года).

Обе группы дали статистически значимые различия (использовался t-критерий Стьюдента) результатов и высокие средние показатели по шкале выраженности своего поведения в области *включения* (Ie) и низкие по шкале требуемого от партнера поведения в области *включения* (Iw): *юноши* (Ie) — $t = 5,16$, (Iw) — $t = 4,16$; *девушки* (Ie) — $t = 5,13$, (Iw) — $t = 4,13$. Различия значимы как у юношей ($p < 0,005$), так и у девушек ($p < 0,001$). Полученные данные свидетельствуют о том, что девушки и юноши стремятся к вовлеченности

и причастности к чужой жизни, видят себя в этой активности субъектами и снижают встречную субъектность со стороны партнера по общению. Они в меньшей степени ожидают вовлекающей в отношения активности со стороны своего окружения, предпочитая самостоятельно выбирать партнеров для создания и поддержания психологически приемлемых отношений, а также иметь возможность по собственному желанию эти отношения прерывать.

По шкалам выраженности собственного поведения в области *контроля* (Ce) и требуемого от партнера поведения в области *контроля* (Cw) группа юношей дала показатели ниже чем группа девушек: *юноши* (Ce) — $t = 5,12$, *девушки* (Ce) — $t = 5,73$. Это можно интерпретировать как более выраженное желание контроля над отношениями в виртуальном пространстве со стороны девушек.

Сравнение показателей по шкале контроля между тем, к чему в отношениях стремится сам актер (Ce) и каких проявлений ждет от своего виртуального партнера (Cw), основывается на следующих средних данных: *юноши* (Ce) — $t = 5,12$, (Cw) — $t = 3,32$; *девушки* (Ce) — $t = 5,73$, (Cw) — $t = 3,53$. Значимость различий по шкалам Ce — Cw в группе юношей ($p < 0,01$) больше, чем в группе девушек ($p < 0,0005$). Полученные данные свидетельствуют о том, что девушки и юноши стремятся к контролю отношений в общении, видят себя в большей степени субъектами в этой активности, чем предполагают ее у партнера.

В области собственного выраженного (Ae) и требуемого от партнера (Aw) поведения в области *аффекта* исследуемые группы дали следующие результаты: *юноши* (Ae) — $t = 2,96$, (Aw) — $t = 4,48$; *девушки* (Ae) — $t = 3,75$, (Aw) — $t = 4,53$. Как у девушек, так и у юношей обнаружены статистически значимые различия по рассматриваемой паре шкал ($p < 0,05$). При этом у девушек собственная направленность на проявления аффективности в общении выше, чем у юношей, т.е. они в большей мере готовы проявлять в общении симпатию, чувства по отношению к партнеру. То, что отличает результаты по шкале аффекта от результатов двух предшествующих шкал (включение и контроль), — это готовность делегировать большую субъектность партнерам по коммуникации и собственная сниженная субъектность по этому параметру.

Таким образом, и девушки, и юноши высоко ориентированы на проявления субъектности в области *включения* и *контроля* в виртуальной коммуникации и занимают асубъектную позицию в области аффекта, проявлений любви, симпатии, приятия, ожидая субъектной позиции в этом случае от партнера. Именно возможность быть субъектом за двоих (за себя и за партнера по виртуальной коммуникации) в области *включения* и *контроля* делает более достижимой возможность получить необходимое личности *подтверждение своей идентичности* в отношениях с Другим, а также достичь уверенности в том, что удалось продолжить свое бытие в субъективный мир Другого (персонализироваться).

Интернет — это механизм, в котором заложена опасная возможность замены общения и сообщества с диалогической структурой общения сообществом, где такая структура факультативна и произвольно избирательна [8; 12]. В. В. Миронов называет это общением личности со своим зеркальным отображением, «царством мертвой тождественности» [12]. В виртуальных отношениях социальных сетей расширяется псевдокультурное поле общения, диалог в котором осуществляется по принципу совпадающих или почти совпадающих смысловых структур с «Другим как Я». Происходит снятие естественных в общении с другим человеком *противоречий*, которые, возникая и разрешаясь в диалоге с Другим, обеспечивают развитие смысловой сферы личности, ее личностный рост [14]. Таким образом, *виртуализация отношений личности таит опасность симуляции ее субъектности или искажения субъектной ориентированности из-за отсутствия истинного диалога с Другим*.

Тип личности пользователя социальных сетей

Многие авторы неоднократно отмечали *неоднозначность влияния интернет-общения на изменения личности*. Например, нередко в исследованиях фиксируется возникающая у личности зависимость от сети, торможение динамики и затрудненность реального вербального общения, но одновременно исследователи пишут и о том, что интернет-общение дает возможность позитивного развития некоторых особенностей личности и Я-концепции [19]. «Игры с идентичностью», обусловленные уже отмеченным ранее свойством Интернета — анонимностью, а также пространственно-временной неограниченностью коммуникации, предоставляют пользователям новые обширные возможности упрощенного и гибкого формирования и перекраивания образа Я [2].

Ранее ученые выделяли проблемы личности, выступающие предпосылками к общению посредством Интернета:

– *недостаточная насыщенность реального общения* (пользователь с помощью виртуального взаимодействия заполняет некоторое пустующее пространство в общении и наполняет его недостающими возможностями);

– *возможность реализации качеств личности, переживания эмоций и проигрывания ролей, фрустрированных в реальной жизни* (сеть дает для реализации этих потребностей большие возможности: анонимность, ненормативность, слабая ограниченность, безнаказанность).

Исходя из этого, ученые делали вывод: к виртуальному общению чаще склонны люди, не уверенные в себе, испытывающие сложности в близком общении и самораскрытии, неудовлетворенные собой (своей внешностью, физическим Я), склонные к установлению дистанций между собой и другими [19]. Эти выводы в некоторой степени говорят о личностном неблагополучии пользователей интернет-среды. Однако социальная сеть — сфера абсолютно новая и отличная от ранее существовавших способов виртуального общения

Акцентуированные черты личности пользователей и непользователей социальных сетей (методика К. Леонгарда), %

Показатели	Гипертимность	Демонстративность	Эмотивность	Экзальтированность	Циклолидность	Педаантичность	Возбудимость	Неуравновешенность	Тревожность	Дистимность
Пользователи социальных сетей	26	24	18	9	9	9	3	2	0	0
Непользователи социальных сетей	25	8	42	0	0	17	0	0	8	0

(форумы, чаты и т.д.), и есть основания предполагать, что населяет ее *иной тип пользователей*.

С целью выделения психологических особенностей, свойственных активному пользователю социальных сетей и отличающих его от человека, не одобряющего такой способ общения, было проведено исследование среди студентов Кубанского госуниверситета. В исследовании приняли участие 42 девушки и женщины от 19 до 40 лет (средний возраст — 27 лет).

В задачи исследования входил анализ особенностей личности активного пользователя социальной сети. В работе использовался характерологический опросник К. Леонгарда с целью распознавания черт характера пользователя и тест Райдаса, позволяющий измерить степень уверенности в себе у пользователей и непользователей социальных сетей.

На основании анкетного опроса группа респондентов была разделена на пользователей и непользователей социальных сетей. Проведенный анализ типов акцентуаций характеров по итогам методики К. Леонгарда позволил выделить преобладающие отличия психологических особенностей этих групп респондентов (см. таблицу).

Наиболее выраженными отличиями пользователей социальных сетей от непользователей стали демонстративность и эмотивность.

Демонстративность — сложная, многоплановая характеристика, в большей степени свойственная пользователям социальных сетей, чем непользователям. Демонстранты стремятся казаться значительнее, чем есть на самом деле, испытывают жажду восхищения, часто провокационны, эгоцентричны. Их отличает высокий уровень эмоциональной нестабильности, склонности к смене настроения, его неустойчивости. Они в большей степени, чем непользователи

ориентированы на яркое и увлекательное внешнее взаимодействие, активное самопозиционирование в сети, на которое ждут отклик интернет-общественности. В то же время они отстраняются от фактов и живут в мире, где основной валютой являются эмоции и переживания, в чем им активно способствуют социальные сети. Это может говорить о том, что демонстранты хорошо адаптируются в новых социумах, однако часто меняют свои роли, задачи в социуме и оценки других людей. Это в более или менее длительной перспективе может приводить к нарушениям стабильности социальных контактов, к дезадаптации и потере истинной субъектности личности.

В отличие от них, непользователи духовно более чуткие и впечатлительные люди (параметр эмотивности), им в большей степени свойственна склонность к страхам и комплексам, проявляющимся в излишней аккуратности и дотошности, они с большими затруднениями взаимодействуют с окружающими, сложнее находят с ними общий язык, зажаты и соответственно менее общительны.

С помощью теста Райдаса в обеих группах респондентов было проведено исследование уверенности в себе. Исходя из полученных результатов, активных пользователей социальных сетей можно отнести к категории «уверен в себе» (со средним значением 73,2). Респонденты, не являющиеся пользователями социальных сетей, оказались в категории «средней степени уверенности» (со средним значением 60,8). Эти данные подтверждают выводы, полученные нами ранее. Пользователи социальных сетей отличаются сильными проявлениями целеустремленности и напористости, самостоятельности и рискованности принимаемых решений, активным восприятием действительности, принятием себя такими, какие они есть, стремлением быть активным творцом собственной действительности и поиску в ней своего места. С помощью взаимодействия в социальной сети пользователи пытаются самостоятельно конструировать и корректировать свой образ Я как на виртуальном, так и на реальном уровне, перенося его из поля online в offline-бытие, тем самым наращивая свою субъектную позицию.

Результаты проведенной работы в области интернет-общения можно сопоставить с результатами, полученными ранее Н. В. Чудовой, А. Е. Войскунским, и сделать вывод, что сфера виртуального общения неоднородна. Социальные сети — новая ячейка online-общения, и ее составляют *иные пользователи, отличные от пользователей чатов или форумов*. Они не испытывают сложностей с восприятием своего реального и физического Я, открыты и готовы к общению, что в меньшей степени свойственно людям, отвергающим такой тип коммуникации.

Заключение

Итак, в качестве основных побудителей активности личности в виртуальном пространстве социальных сетей выступают мотивы общения, аффилиа-

ции и самоутверждения. Это связано, в частности, с обусловленностью субъектной активности личности ее ориентацией на поддержку своей идентичности в со-бытии с Другим. Возможность быть субъектом за двоих (за себя и за партнера по виртуальной коммуникации) в области включения и контроля делает более достижимым необходимое личности подтверждение своей идентичности в отношениях с партнером по виртуальной коммуникации, а также уверенности в том, что удалось продолжить свое бытие в субъективный мир Другого (персонализироваться). При этом виртуализация отношений личности таит опасность симуляции ее субъектности или искажения субъектной ориентированности из-за отсутствия истинного диалога с Другим.

Социальная сеть как новое пространство виртуального бытия личности, отличающееся от ранее существовавших способов виртуального общения (форумы, чаты и т.д.), населяется новым типом пользователей. Наиболее выраженными отличиями пользователей социальных сетей от непользователей являются демонстративность, экзальтированность, циклотимия.

Таким образом, осуществленные нами исследования, а также анализ исследований, выполненных другими авторами, показывают, что интернет-общение, или так называемая жизнь личности в виртуальном пространстве, влияет на ее статус субъекта бытия. Эта жизнь может органично сочетаться с жизнью в offline, создавая дополнительную ресурсность, предлагая информацию, способы и операции, совершенствующие бытие личности, повышающие возможность ее самореализации и достижения аутентичности. Но возникают и опасности «зависания» личности в виртуальном пространстве online, сегрегация отдельного аспекта бытия (виртуальное бытие), когда общение в виртуальном пространстве из инструмента, средства, расширяющего возможности реальной жизни личности, превращается в ненасыщаемую (у Шутца — «extensial») самодовлеющую потребность, подчиняющую человека, делающую его зависимым от новых гаджетов, компьютерных программ, сформированных им в виртуальном пространстве фальшивых самоидентификаций, поддерживаемых виртуальными партнерами компьютерной коммуникации. Таким образом, в первом случае субъектная, а во втором случае *ложно-субъектная* позиция личности в виртуальном пространстве бытия обуславливают ее реальное бытие, его полноценность или выхолощенность (вторичность в сравнении с online-бытием).

Библиографический список

1. Арестова О. Н., Бабанин Л. Н., Войскунский А. Е. Психологическое исследование мотивации пользователей интернета // Вторая Российская конференция по экологической психологии: тезисы. М.: Экопсицентр РОСС, 2000.
2. Арестова О. Н., Бабанин Л. Н., Войскунский А. Е. Коммуникация в компьютерных сетях: психологические детерминанты и последствия // Вестник МГУ. Сер. 14. 1996. Вып. 4.

3. *Асмолов А. Г., Асмолов Г. А.* От Мы-медиа к Я-медиа: трансформация идентичности в виртуальном мире // Вопросы психологии. 2009. №3.
4. *Брушлинский А. В.* Психология субъекта. СПб.: Алетейя, 2003.
5. Диагностика межличностных отношений (А. А. Рукавишников) // Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Изд-во Института психотерапии, 2002.
6. *Жичкина А. Е.* Социально-психологические аспекты общения в Интернете. URL: <http://flogiston.ru/articles/netpsy/refinf>
7. *Зинченко Ю. П.* Виртуализация реальности: от психологического инструментария к новой субкультуре // Человек как субъект и объект медиапсихологии. М.: Изд-во МГУ, 2011.
8. *Кнабе Г.* Принцип индивидуальности, постмодерн и альтернативный ему образ философии. URL: www.russ.ru/edu/99-05-24/knabe.html
9. *Косивченко Е. И.* Реализация человеческих потребностей в сфере виртуальных социальных сетей (на основе контент-анализа мнений пользователей Рунета) // Человек. Сообщество. Управление: взгляд молодого исследователя. Психология: материалы XI Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар: КубГУ, 2011.
10. *Кузнецова Ю. М.* Картина мира и современные технологии: «легкость бытия» в Интернете // Человек как субъект и объект медиапсихологии. М.: Изд-во МГУ, 2011.
11. *Ленский В. Е., Рапуто А. Г.* Моделирование и поддержка сообществ в Интернете. М.: ИП РАН, 1999.
12. *Мионов В. В.* Глобальное коммуникационное пространство как фактор трансформации культуры // Человек как субъект и объект медиапсихологии. М.: Изд-во МГУ, 2011.
13. *Рубинштейн С. А.* Человек и мир. М.: Наука, 1997.
14. *Рябикина З. И.* Субъектно-бытийный подход к изучению развивающих личность противоречий // Психологический журнал. 2008. Т. 29, № 2.
15. *Рябикина З. И., Сомова Е. Г.* Личность и ее самоактуализация в общении // Мир психологии. 2001. № 3.
16. *Рябикина З. И., Танасов Г. Г.* Субъектно-бытийный подход к личности и анализу ее со-бытия с Другими (конструктивная версия постмодернистских «настроений») // Человек. Сообщество. Управление. 2010. № 2.
17. *Танасов Г. Г.* Личность в переговорах: субъектно-бытийный подход: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Краснодар, 2012.
18. *Танасов Г. Г.* Личность в переговорном процессе: дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2002.
19. *Чудова Н. В.* Особенности образа «Я» жителя Интернета // Психологический журнал. 2002. № 1.
20. *Barlow J.P.* Is there a there in cyberspase? URL: <http://www.utne.com/lens/cs/11csbarlow.html>
21. *Foster D.* Can We Have Communities in (Cyber) Space? Carleton University Working Papers in Communication Technology and Culture, 1995.

References

1. *Arestova O.N., Babanin L.N., Vojskunskij A.E.* Psihologicheskoe issledovanie motivacii pol'zovatelej interneta // Vtoraja Rossijskaja konferencija po jekologichesknoj psihologii: tezisy. M.: Jekopsicentr ROSS, 2000.
2. *Arestova O.N., Babanin L.N., Vojskunskij A.E.* Kommunikacija v komp'juternyh setjah: psihologicheskie determinanty i posledstvija // Vestnik MGU. Ser. 14. 1996. Vyp. 4.
3. *Asmolov A.G., Asmolov G.A.* Ot My-media k Ja-media: transformacija identichnosti v virtual'nom mire // Voprosy psihologii. 2009. #3.
4. *Brushlinskij A.V.* Psihologija sub»ekta. SPb.: Aletejja, 2003.
5. Diagnostika mezhlichnostnyh otnoshenij (A.A. Rukavishnikov) // Social'no-psihologicheskaja diagnostika razvitija lichnosti i malyh grupp. M.: Izd-vo Instituta psihoterapii, 2002.
6. *Zhichkina A.E.* Social'no-psihologicheskie aspekty obshhenija v Internete. URL: <http://flogiston.ru/articles/netpsy/refinf>
7. *Zinchenko Ju.P.* Virtualizacija real'nosti: ot psihologicheskogo instrumentarija k novoj subkul'ture // Chelovek kak sub»ekt i ob»ekt mediapsihologii. M.: Izd-vo MGU, 2011.
8. *Knabe G.* Princip individual'nosti, postmodern i al'ternativnyj emu obraz filosofii. URL: www.russ.ru/edu/99-05-24/knabe.html
9. *Kosivchenko E.I.* Realizacija chelovecheskih potrebnostej v sfere virtual'nyh social'nyh setej (na osnove kontent-analiza mnenij pol'zovatelej Runeta) // Chelovek. Soobshhestvo. Upravlenie: vzgljad molodogo issledovatelja. Psihologija: materialy HI Vseros. nauch.-prakt. konf. Krasnodar: KubGU, 2011.
10. *Kuznecova Ju.M.* Kartina mira i sovremennye tehnologii: «legkost' bytija» v Internete // Chelovek kak sub»ekt i ob»ekt mediapsihologii. M.: Izd-vo MGU, 2011.
11. *Lepskij V.E., Raputo A.G.* Modelirovanie i podderzhka soobshhestv v Internete. M.: IP RAN, 1999.
12. *Mironov V.V.* Global'noe kommunikacionnoe prostranstvo kak faktor transformacii kul'tury // Chelovek kak sub»ekt i ob»ekt mediapsihologii. M.: Izd-vo MGU, 2011.
13. *Rubinshtejn S.L.* Chelovek i mir. M.: Nauka, 1997.
14. *Rjabikina Z.I.* Sub»ektno-bytijnyj podhod k izucheniju razvivajushhijh lichnost' protivorechij // Psihologicheskij zhurnal. 2008. T. 29, # 2.
15. *Rjabikina Z.I., Somova E.G.* Lichnost' i ee samoaktualizacija v obshhenii // Mir psihologii. 2001. # 3.
16. *Rjabikina Z.I., Tanasov G.G.* Sub»ektno-bytijnyj podhod k lichnosti i analizu ee so-bytija s Drugimi (konstruktivnaja versija postmodernistskih «nastroenij») // Chelovek. Soobshhestvo. Upravlenie. 2010. # 2.
17. *Tanasov G.G.* Lichnost' v peregovorah: sub»ektno-bytijnyj podhod: avtoref. dis. ... d-ra psihol. nauk. Krasnodar, 2012.
18. *Tanasov G.G.* Lichnost' v peregovornom processe: dis. ... kand. psihol. nauk. Krasnodar, 2002.
19. *Chudova N.V.* Osobennosti obraza «Ja» zhitelja Interneta // Psihologicheskij zhurnal. 2002. # 1.

20. *Barlow J.P.*, Is there a there in cyberspace? URL: <http://www.utne.com/lens/cs/11csbarlow.html>
21. *Foster D.* Can We Have Communities in (Cyber) Space? Carleton University Working Papers in Communication Technology and Culture, 1995.